

АРХИВ

А.И. Вакулинская

Иван Ильин и Алексей Боровой: история одной дружбы

Вакулинская Александра Ивановна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109420, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sashavakulinskaya@gmail.com

Публикация посвящена истории отношений, сложившихся между философом, социологом, анархистом А.А. Боровым и молодым философом И.А. Ильиным. Реконструируется идейная и политическая позиция, которую занимал Боровой будучи приват-доцентом юридического факультета Московского императорского университета, его отношение к другим коллегам, в частности к П.И. Новгородцеву, Б.А. Кистяковскому. Демонстрируется эволюция взглядов молодого Ильина, изначально симпатизировавшего радикальным политическим направлениям и анархистскому течению, а затем перешедшего на позиции либерального консерватизма. На основе мемуаров, писем, хранящихся в архиве А.А. Борового в РГАЛИ, воспоминаний и писем И.А. Ильина, а также исследований, посвященных Боровому и Ильину, детально реконструируется период их встреч в Париже в 1911–1912 гг. Раскрываются подробности изменений, произошедших на юридическом факультете Московского императорского университета в связи с «Делом Кассо», по-разному отразившихся на судьбах мыслителей. Упоминается о взаимоотношениях Борового и Ильина с Б.А. Кистяковским, который в 1911 г. также находился в Европе. Делается предположение о причинах прекращения общения между И.А. Ильиным и А.А. Боровым в годы Первой мировой войны, которое могло быть связано как с идейным расхождением между философами, так и деятельностью, которой каждый из них посвятил себя в эти годы. Встреча Борового и Ильина после февральской революции могла бы дать повод для возобновления общения, но расхождение в оценке октябрьского переворота (мнимое или реальное) стало камнем преткновения. На основе упоминаемого Боровым фрагмента из книги Г.И. Киша «Гитлер и другие» и архива И.А. Ильина воспроизводится эпизод выступления мыслителя на заседании «Клуба господ» в марте 1930 г. Воссоздается история взаимоотношений И.А. Ильина с представителями консервативного крыла немецких предпринимателей и не сложившегося сотрудничества с центристской партией, представленной немецкими католиками.

Ключевые слова: юридический факультет Московского императорского университета, «Дело Кассо», анархизм, А.А. Боровой, И.А. Ильин

Для цитирования: Вакулинская А.И. Иван Ильин и Алексей Боровой: история одной дружбы // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 1. С. 54–77.

На сегодняшний день в общественном сознании за И.А. Ильиным закрепилось достаточно много мифов, возникших в результате того, что внимание лиц, знаковавших широкую аудиторию с творчеством мыслителя, было приковано лишь к публицистическим работам философа, вышедшим в период эмиграции. Пресловутая популярность Ильина в политических кругах современной России довершила дело, в результате чего политический дискурс «вторгся» в пределы науки, где он, конечно же, неуместен.

Как среди современников, так и среди профессиональных исследователей Ильин получил известность в первую очередь благодаря своим философским трудам, большая часть которых была начата ещё до насильственной высылки философа за пределы Советской России. На московский период жизни естественным образом выпадает пора философского становления Ильина, и обращение к этому времени позволяет лучше понять, кем же был этот «замкнутый на семь поворотов» человек. Вызывающее поведение молодого мыслителя, будь то скандал с Андреем Белым¹ или же ожесточённая критика выступлений «коллег», имело определённую подоплёку, о которой зачастую мало что известно, т.к. образ Ильина обычно слагается из воспоминаний «пострадавшей» от эксцентричных выходок стороны. То же самое можно сказать и о том образе мыслителя, который продемонстрировал П.В. Рябов в статье «Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ»², приведший выдержку из воспоминаний философа, социолога, юриста-анархиста А.А. Борового.

Сама статья П.В. Рябова посвящена описанию фонда А.А. Борового, значимость которого до сих пор не оценена исследователями во всей полноте. По всей видимости, публикация попросту оказалась незамеченной научным сообществом: до сих пор мы практически не находим работ, раскрывающих взаимоотношения Борового с его многочисленными и важными корреспондентами, такими как, например, мыслители Г.Г. Шпет, Б.П. Вышеславцев, Б.А. Кистяковский.

В рамках данной статьи публикуются письма Ильина к Боровому, реконструируется в полном объёме история их взаимоотношений, а также даётся комментарий к приводимому Боровым фрагменту из книги, в которой излагается «характеристика» Ильина.

К сожалению, несмотря на серьёзные усилия исследователей и популяризаторов творчества Борового, фигура этого мыслителя до сих пор остаётся известной лишь среди узкого круга специалистов по теории анархизма и теории права. В силу данного обстоятельства существует необходимость осветить некоторые аспекты жизни и творчества Борового, в частности, касающиеся периода его дружбы с Ильиным (1906–1912), которому непосредственно посвящена данная публикация.

Алексей Алексеевич Боровой обучался на юридическом факультете Московского императорского университета в период 1894–1898 гг. и впоследствии был оставлен на кафедре полицейского права для написания магистерской диссертации. После публичного выступления с лекциями и сдачи магистерского экзамена в 1902 г.³ он был удостоен звания приват-доцента и активно включился в преподавательскую деятельность юридического факультета. Боровой вёл курсы по политической экономии

¹ См.: *Евлампицев И.И.* История одного скандала (И.А. Ильин – А. Белый – Э.К. Метнер) // Ступени: философский журнал. 1997. № 10. С. 143–147.

² *Рябов П.В.* Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ // Вестник культурологии. 2009. № 1 (48). С. 112–126.

³ По поводу года получения звания приват-доцента мнения исследователей расходятся. П.В. Рябов считает, что это был 1901 г., С.В. Шумихин указывает на 1902 г. Сам Боровой также упоминает 1902 г. (см.: *Боровой А.А.* Глава XI. «Революция 1905 г. и реакция» / *Моя жизнь. Воспоминания* // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 251).

и праву в Московском императорском университете, Практической Академии и Александровском Коммерческом училище. В период 1903–1905 гг. он находился в заграничной командировке по странам Западной Европы, где работал над завершением магистерской диссертации. Именно во время командировки в 1904 г. в Париже Боровой ощутил мистическое «перерождение» внутри себя: «Со скамьи Люксембургского сада – я встал просветлённым, страстным, непримиримым анархистом...»⁴. До этого момента философские взгляды мыслителя претерпевали эволюцию по траектории «от Маркса к Канту», хотя к какому-либо течению кантианства Боровой не примыкал. Впоследствии более подходящим для себя он находил такое течение мысли, как философия жизни (Зиммель, Бергсон)⁵. В апреле 1906 г. философ выступил с лекцией «Общественные идеалы современного человечества: либерализм, социализм, анархизм», в которой впервые изложил идеи анархо-индивидуализма. В этот год при активном участии Борового были созданы первые легально существовавшие в Российской империи анархистские издательства – «Заратустра» и «Логос». Активная защита «восстания» (неудавшейся революции 1905–1907 гг.), идущая вразрез с либеральной публицистикой, привела к «административным гонениям». В 1907 г. Боровой подвергся месячному аресту⁶ за брошюру «Революционное мировоззрение», вышедшую в «Логосе», в которой он уже открыто симпатизирует синдикализму. Исследователи творчества мыслителя⁷ указывают на то, что в 1908–1910 гг. происходит его окончательный переход на позиции революционного синдикализма.

Стоит упомянуть ещё об одном направлении интересов Борового – он принимал участие в работе музыкальных и литературных обществ. Первое время он даже посещал религиозно-философские собрания на квартире М.К. Морозовой, но вскоре прекратил свои визиты по причине идейных расхождений с участниками встреч⁸. В своих воспоминаниях Боровой описывал заседания Литературно-художественного кружка, который в начале XX столетия «делал “физиономию” страны»⁹; был завсегдаем на литературных пятницах, проходивших в особняке психиатра, профессора университета Н.Н. Баженова, председателя диспутов литературно-художественного кружка.

Мыслитель также упоминал о сотрудничестве и работе в издательстве «Гриф», объединявшем ранних символистов и декадентов, работе в редакции литературно-художественного журнала «Перевал», в деятельности которого принимали участие А.А. Блок, К.Д. Бальмонт, А. Белый, Ф. Сологуб, И.Ф. Анненский, А.М. Ремизов, Б.К. Зайцев, Н.М. Минский, В.Ф. Ходасевич, И.А. и Ю.А. Бунины и др. Боровой был приглашён к сотрудничеству с «анархистским» журналом «Факелы», но участие в деятельности журнала так и не принял, ссылаясь на своё идейное одиночество.

К 1910 г., как писал сам Боровой, «репутация моя как смутьяна, отщепенца, “нежелательного” элемента в университете – была установлена окончательно»¹⁰.

⁴ Боровой А.А. Моя жизнь. Фрагменты воспоминаний // Московский журнал. 2010. № 10. С. 20.

⁵ Рябов П.В. Романтический анархизм Алексея Борового // Историко-философский ежегодник. 2012. № 2011. С. 424–428.

⁶ На данный факт биографии Борового указывает П.И. Талеров (см.: Талеров П.И. О жизни и творчестве Алексея Борового – анархиста-гуманиста // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 3. С. 61).

⁷ Талеров П.И. О жизни и творчестве Алексея Борового – анархиста-гуманиста // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 3. С. 62; Рублев Д.И., Рябов П.В. Алексей Алексеевич Боровой: человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2 (71). С. 223.

⁸ Боровой А.А. Моя жизнь. Фрагменты воспоминаний. С. 28–29.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ Боровой А.А. Глава XI. «Революция 1905 г. и реакция» / Моя жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 305.

Именно на это время пришлось завершение его работы над магистерской диссертацией «История личной свободы во Франции» (в 2 т.) – плод многолетних трудов и часов, проведённых в Национальной библиотеке Парижа. Описывая атмосферу, царящую в довоенном Московском императорском университете, Боровой замечал:

Давно университет перестал быть «святым местом». Я его таким не знал. Романтически-расслабленное чувство, с которым я перешагнул его порог, было потеряно уже в студенческие годы...¹¹ <...> Бесправие встречало молодого учёного с первых шагов его университетской работы. Его успехи являлись не столько премией его талантов, знаний, сколько наградой за угодливость, дипломатические увёртки, умение ладить со «старшими»¹².

Однако, судя по дальнейшему изложению, в понятие «умение ладить со «старшими»» входило и банальное соответствие «научной школе», без которого первые шаги в академическом мире обречены на провал.

Даже в вышеприведённой цитате проявляется та черта, которая характеризует Борового как негилиста, человека, не желающего признавать наличие «общественных устоев», давления общества на индивида, и та позиция, которую сам автор мемуаров именовал «индивидуалистическим анархизмом». Интересно, что при таком мировоззрении анархист-индивидуалист продолжал заниматься вопросами права, признание которого априори подразумевает осознание наличия некоего фактора, ограничивающего извне поведение индивида¹³. Пояснение этому странному сочетанию взглядов даёт исследователями П.В. Рябовым и Д.И. Рублёвым, отметившими, что «...если в своих ранних сочинениях мыслитель – в духе Штирнера – абсолютно противопоставлял личность и общество и считал задачей анархизма полное обособление и самообеспечение личности, то со временем... он скорректировал свою позицию, органично сочетая персонализм и социализм»¹⁴.

Защита магистерской диссертации, первый том которой был опубликован в типографии Императорского Московского университета к моменту представления на юридический факультет в 1910 г., не состоялась. Гибель своей академической карьеры Боровой связывал исключительно со своим «разрывом с «кадетами» – тогдашними хозяевами университета»¹⁵. В понимании Борового политические предпочтения стали водоразделом среди профессоров Московского императорского университета в годы первой русской революции и вообще определяли судьбы многих молодых преподавателей. При этом стоит отметить, что научным руководителем Борового был консерватор И.Т. Тарасов, заведующий кафедрой полицейского права, видевший Борового своим преемником на должности заведующего. Тарасов не воспринимал всерьёз анархистское увлечение «юноши». К представителям консервативного крыла преподавателей, враждебно относившимся к либералам, Боровой испытывал более «тёплые» чувства. В своих мемуарах он упоминает забавную историю, связанную с чтением открытой лекции «Общественные идеалы современного человечества: либерализм, социализм, анархизм». Эту лекцию посетил черносотенец, руководитель Русской монархической партии, А.С. Шмаков, по всей видимости, знавший о положении, которое занимал лектор на юридическом

¹¹ Там же. Л. 232.

¹² Там же. Л. 243.

¹³ См.: Быстров А.С. Проблема правопонимания в учении анархо-гуманизма // Право и современные государства. 2017. № 6. С. 24–31.

¹⁴ Рублёв Д.И., Рябов П.В. Алексей Алексеевич Боровой: человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2 (71). С. 236.

¹⁵ Боровой А.А. Глава XI. «Революция 1905 г. и реакция» / Моя жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 49.

факультете, но спутавший услышанный в названии термин «анархизм» с понятием «монархизм»¹⁶.

Либералам-кадетам в воспоминаниях Борового посвящена целая глава, в которой можно встретить следующую фразу:

Если комплекс чувств – гадливости, презрения, желания борьбы до развенчания, уничтожения именовать ненавистью, я ненавидел русских «либералов», в наиболее яркой форме известных мне в обличи «кадетов». В моих глазах – «кадет» был не только общественным деятелем, членом партии, политическим антагонистом, но своеобразным психическим укладом, системой моральных качеств, характером¹⁷.

К плеяде кадетов Боровой относил следующих профессоров юридического факультета: С.А. Муромцева, Г.Ф. Шершеневича, П.И. Новгородцева, С.А. Котляревского, Ф.Ф. Кокошкина, А.С. Алексеева, В.М. Хвостова, П.А. Минакова, частично Н.А. Каблукова. «Промежуточное положение между кадетской и консервативной группой занимал Евгений Николаевич Трубецкой, с явным перевесом симпатий в сторону первой»¹⁸. Из приват-доцентов либералами, по мнению Борового, были Б.А. и И.А. Кистяковские, Н.В. Давыдов, А.В. Горбунов, А.Э. Вормс, Б.И. Сыромятников, В.А. Савальский, В.М. Устинов, И.А. Ильин, В.А. Краснокутский, П.П. Гензель, Б.П. Вышеславцев.

В 1911 г. в знак протеста против полицейского вмешательства и посягательства на автономию Университета, прецедента, вошедшего в историю как «Дело Кассо», Боровой покидает стены alma mater. В это же время, после выпуска ряда политических брошюр и публичных выступлений, он был задержан, привлечён к суду и освобождён на поруки. В феврале 1911 г. при помощи друзей и жены, добывших поддельный документ, Боровой покидает Россию и направляется в Париж, где меняет ряд «профессий», начиная с гувернёра и заканчивая преподаванием в «Свободной высшей школе общественных наук».

В конце 1913 г. Боровой возвращается в Россию и до 1929 г. преподаёт в ряде учебных заведений, сотрудничает с московскими газетами¹⁹. В период «закручивания гаек» он становится жертвой большевистских репрессий; в одной из ссылок его жизнь обрывается. Свои жизненные перипетии Боровой зафиксировал на страницах мемуаров, которые ещё ждут своего издателя.

Что касается взаимоотношений Борового с Ильиным, то в мемуарах²⁰ мы находим следующее упоминание:

С Иваном Александровичем Ильиным я встретился впервые у моего друга – Булычёва²¹. Но настоящее знакомство началось уже по возвращении моём из заграницы в 1905 г.²² Он тогда кончил университет и получил предложение остаться при кафедре философии права у Новгородцева²³.

¹⁶ Боровой А.А. Глава XI. «Революция 1905 г. и реакция» / Моя жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 49. Л. 26–27.

¹⁷ Там же. Л. 199–200.

¹⁸ Там же. Л. 267.

¹⁹ Подробнее см.: Рублёв Д.И., Рябов П.В. Алексей Алексеевич Боровой: человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2 (71). С. 221–239.

²⁰ В силу того, что фрагменты воспоминаний о И.А. Ильине были уже введены в научный оборот, они будут публиковаться с ссылкой на упоминаемую нами статью П.В. Рябова «Хорошо забытое старое...».

²¹ Булычёв Вячеслав Александрович (1872–1959) – музыкант, дирижёр, в 1897 г. окончил юридический факультет Московского императорского университета. Сосед Борового по отелю во время командировки в Париж в 1903 г.

²² Боровой немного ошибся, упомянутые им события относились к 1906 г.

²³ Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ // Вестник культурологии. 2009. № 1 (48). С. 118.

На момент знакомства с Боровым Ильин увлекался как революционными идеями, господствовавшими среди студенческой молодёжи в годы первой русской революции (1905–1907), так и набиравшими популярность идеями анархизма.

В мемуарах под заглавием «Дань прошлому» однокурсник философа М. Вишняк (письма которого к Боровому также хранятся в архиве в РГАЛИ) упоминает об участии Ильина в митинге, организованном Студенческим исполнительным комитетом в конце 1904 г., а также о том, что в 1905 г. передал Ильину свою должность председателя от 4 курса юридического факультета (перед председателем стояла задача поддержки студенческого движения)²⁴. В сентябре прошла цензура работа Ильина «Из русской старины. Бунт Стеньки Разина», которая в 1906 г. вышла в издательстве «Труд и Воля» под псевдонимом Н. Иванов. Там же в 1906 г. вышли брошюры на политические темы: «Что такое политическая партия» и «Свобода собраний». Однако постепенно вовлечённость философа в студенческое движение сходит на нет. В дневнике, который был написан для будущей супруги Н.Н. Вокач, Ильин упоминает о событиях октября 1905 г.:

От 4–5 дня и от 7–9 веч.<ера> был в забаррикадированном университете, но увидев, что самозащита стихийно переходит в попытку произвести вооруженное восстание... я ушёл домой, хотя не без тяжёлых душевных колебаний. Одним из главных факторов состоявшегося ухода была мысль, – что ты сказала бы мне «уйди» и была бы права²⁵.

Неудивительно, что именно в это время было возможно знакомство между приват-доцентом кафедры полицейского права Боровым и магистрантом Ильиным.

Стоит упомянуть также, что, будучи студентом, Ильин увлекался темой фабричного движения, историей русской фабрики, но впоследствии поставил в приоритет историю философии права. Во многом такой переориентации способствовала личность П.И. Новгородцева, которого Боровой не очень-то любил и считал чуть ли не «совратителем юношества» (в философский идеализм), а упоминая о политической ориентации Новгородцева, просто «исходил пеной». Как было отмечено выше, кадетов и всех к ним причастных Боровой не переносил и относил к разряду «классовых врагов», поэтому столь значимы для него были политические предпочтения Ильина, оставленного на кафедре, среди преподавателей которой были практически одни «кадеты». В связи с этим в своих воспоминаниях об Ильине Боровой указывал:

Политические его настроения были мало уловимы. Он не высказывался до конца, любые позиции вызывали в нём лукавую усмешечку. Пародируя Герцена, он вышучивал «Истину» кадетов, обретшую себя в «Думе народного гнева», как будто интересовался партией с.<оциалистов> р.<еволюционеров>, манифестировал большой интерес и симпатии и к «анархизму». Плодом его занятий над последним были – статья о Штирнере, лучшая из имеющихся в русской литературе («Вопросы философии и психологии») и прекрасный перевод «Эльцбахера», вышедший в издании «Логос». Шёл разговор о переводе и «Единственного», но близилось время полного крушения издательства и перевод не состоялся²⁶.

Что касается политической ориентации Ильина, то и тогда, и значительно позже философ никогда не ограничивал себя партийными предпочтениями, не вступал в политические партии, оставляя себе «право на глупость». В 1906 г. совместно с женой Н.Н. Вокач Ильин действительно подготовил перевод книги П. Эльцбахера «Анархизм», предисловие к которому, по рекомендации издателя, должен был

²⁴ См.: Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 92–93, 100–101.

²⁵ Ильин И.А. Запись в дневнике от 20 октября 1905 года // Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М., 1999. С. 19.

²⁶ Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ. С. 118.

написать Л.Н. Толстой²⁷, но в итоге книга вышла с предисловием переводчиков. В письме от 2 марта 1907 г. Ильин демонстрирует свою осведомлённость о том, что Боровой собирался написать рецензию на перевод Ильиных для «Русских Ведомостей». В более раннем письме от 24 октября 1906 г. Ильин обращался к Боровому с просьбой не выдавать его В.Н. Пропперу (псевд. О. Виконт), одному из организаторов издательства «Индивид», искавшего переводчика для очередного выпуска книги Штирнера «Единственный и его собственность» на русском языке. Видимо, на тот момент уже имела место договорённость о переводе с издательством «Логос», а в редакцию журнала «Критическое обозрение» была отправлена рецензия на пять вышедших в 1906–1907 гг. переводов книги Штирнера «Единственный и его собственность», в число которых не был включён перевод издательства «Индивид». Впоследствии в 1909 г. в журнале «Юридическая библиография, издаваемая Демидовским Юридическим Лицеом», в разделе «Социология» появится ещё одна рецензия Ильина на книгу Штирнера, опубликованную в переводе Гиммельфана и Гохшиллера в издательской серии «Библиотека “Светоча”», вышедшую в 1907–1908 гг. с комментариями и приложением, в которой философ укажет на повышение уровня перевода по сравнению с тем, «что предложили читателю вместо книги Штирнера книгоиздательства “Мысль”, “Индивид” и “Саблина”»²⁸.

Теория анархизма была интересна молодому Ильину в аспекте соотношения индивидуального и общественного сознания в рамках философии права, столь значимого для разрешения вопроса о принятии в качестве нормы той или иной модели поведения, тех или иных ценностей и целей, но, вероятно, тогда могли иметь место и личные предпочтения. В 1908 г. в журнале «Юридическая библиография, издаваемая Демидовским Юридическим Лицеом» также в разделе «Социология» вышла рецензия на книгу Г. Цокколи «Анархизм». В 1910 г. в журнале «Московский еженедельник» была опубликована статья «Предпосылки анархизма», в которой Ильин вскрывает идеалистическую основу данного политического течения. В 1911 г. в статье «Идея личности в учении Штирнера. Опыт по истории индивидуализма», вышедшей в «Вопросах философии и психологии», философ делает весьма интересный вывод о том, что нигилист Штирнер является не только наследником стагнирующего немецкого идеализма, в частности гегелевского, но и основателем нового морального учения о должностовании «самобытности». Статья представляет собой оформленный текст публичной лекции «Идея личности в учении Штирнера», прочитанной на юридическом факультете, после чего Ильину было присвоено звание приват-доцента. 21 ноября 1909 г. Ильин отправляет Боровому письмо-приглашение на свои пробные лекции (помимо лекции о Штирнере было подготовлено выступление на тему «Вопрос об отношении права и силы как юридическая проблема»), назначенные на 25-е число. Философ начинает письмо со слов: «Мне были бы очень ценны и приятны Ваше присутствие на моих пробных лекциях и Ваш отзыв о них». По всей видимости, такой интерес Ильина к тематике анархизма, а также обращения к Боровому как авторитету по данному вопросу, позволили последнему надеяться на то, что в лице Ильина он найдёт своего сторонника или даже последователя. За период 1906–1907 гг. Боровой получил от Ильина три письма, но можно предположить, что имели место гостевые визиты, личные встречи на философских кружках, концертах, на юридическом факультете и т.д.

В мемуарах Боровой вспоминал следующий эпизод, скорее всего, относящийся к периоду 1907–1910 гг.:

²⁷ Подробнее см.: Лисица Ю.Т. Иван Ильин и Россия: Неопубл. фот. и арх. материалы / Авт. сост. Ю.Т. Лисица. М., 1999. С. 35.

²⁸ Ильин И.А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 39.

Кипучие и пёстрые пореволюционные годы мешали нашему сближению. Мы встречались редко. Но я был наслышан о больших успехах Ильина у Новгородцева и кадетской профессуры. Железная Новгородцевская школа сделала своё дело. Молодые философские светила должны были обращаться вокруг солнца. Ильин не избег общей участи. Мудрость учителя стала его мудростью. Вольнодумство, если о нём можно говорить в применении к Ильину, осталось позади. Уверенно он шёл к религиозно-философским вершинам идеализма, в частности московского. По адресу уважаемого Павла Ивановича всё чаще слышались лестные и льстивые характеристики, и случайным наблюдением в профессорской было мне дано познать меру моральной природы Ивана Александровича. В перерыве между лекциями несколько лекторов, в том числе и Новгородцев, сидели за общим столом. Не помню, – о чём был разговор. Вошёл Ильин. Лицо его – при взгляде на Новгородцева – буквально засияло, выразило преданность, восторг, словом, сильнейшее душевное движение. Длинными ногами он пролетел расстояние, отделявшее его от двери до нас и почтительно замер перед Новгородцевым, не обратив на всех остальных ни малейшего внимания. Начальствующих лиц среди нас не было. Новгородцев встал и отошёл с Ильиным. Точно ток пробежал по нас, у многих появилась ехидная усмешечка. О, если бы это «обожание», эта рабская угодливость хоть отвечала действительному чувству Ильина. Но я знал, как относился Ильин, за пределами официальных встреч, к обожжаемому учителю, знал из непосредственных бесед с ним. Отношение было вполне корректным... но и вполне холодным. Насмешливый, язвительный ум Ильина художественно вскрывал юмористические моменты в генеральской природе принципала. – Как учёного он сравнивал его лукаво с Бенжаменом Констаном²⁹. Но... *les affaires sont les affaires*³⁰. Этот эпизод, как будто незначительный, запечатлелся прочно в моей памяти. Кому, кому, но не Ильину, мог бы я простить проявление этого душевного неряшества, трусости, угодничества³¹.

То, что Ильин мог язвительно отзываться о ком угодно, в том числе о самом себе, своих ближайших друзьях, отнюдь не означает, что он не испытывал к ним искренних чувств. Наиболее ярко эта черта характера проявилась в переписке Ильина с другом, композитором Н.К. Метнером, которому философ отправлял рукописный журнал под названием «Идиотика-Обормотика»³² с язвительными шутками как о себе, так и о композиторе. Безусловно, делиться своими юмористическими опусами философ мог далеко не со всеми. Если Боровой из личных бесед узнавал об островах Ильина по поводу Новгородцева, то, значит, всё же их общение было теснее, чем описано выше, а следовательно, имеет место некая пристрастность, ревность к Новгородцеву как идейному «противнику» Борового.

В 1910 г., на который приходятся первые научные публикации Ильина, а также неудавшаяся защита диссертации Борового, писем к последнему не имеется. Последующая корреспонденция датируется 1911–1912 гг. – периодом эмиграции Борового во Францию и научной командировки Ильина в Европу. В конце 1911 – начале 1912 г. в Париже Ильин и Боровой неоднократно встречались, что подтверждается как письмами Ильина, так и мемуарами Борового.

Эмиграция Алексея Алексеевича была связана в первую очередь с административными преследованиями. На фоне университетского скандала в начале 1911 г.,

²⁹ Констан де Ребек Бенжамен Анри (1767–1830) – французский и швейцарский писатель, общественный деятель либерального толка. Сравнение с Новгородцевым, вероятно, проходило по линии поисков «третьего пути» между террором и идеологией реставрации Старого порядка.

³⁰ «Дела есть дела» (фр.) – название одноименной французской пьесы, которую также именуют как «Власть денег, или рабы наживы» (1903) драматурга Октава Мирбо на тему карьеризма, культа денег и прочих пороков общества.

³¹ Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ. С. 118–119.

³² Подробнее см.: Ильин И.А. Собр. соч.: О возрождении и обновлении России. Ч. 1–2. М., 2021. С. 385–419.

вошедшего в историю под названием «Дело Кассо», Боровой, бойкотируя министерские притеснения университетской автономии, покидает стены *alma mater*. Упомянутое посягательство на автономию университета впоследствии привело к тому, что часть либерально настроенных преподавателей подала в отставку, прошения были удовлетворены представителем университетского консервативного крыла, а по совместительству министром народного просвещения Л.А. Кассо. На увольнение среди прочих подал прошение научный руководитель Ильина П.И. Новгородцев.

Ильин, с середины 1910 г. находящийся в Германии, оказался в Париже лишь осенью 1911 г. и пробыл там до начала января 1912 г. В письме к сестре от 14 мая 1911 г. из Гёттингена он писал, упоминая о возможном прекращении командировки раньше нужного ему времени, а также давая оценку происходящему в Московском императорском университете:

А в сентябре – в Париж. Командировка моя кончается в декабре 1912 года³³; подал прошение о продолжении её на ½ года; боюсь не дадут, тогда придётся вернуться посреди зимы, взять лекции и провести полугодие на бивуаках, ибо квартиры не найдёшь в январе. Было бы очень хорошо получить продолжение; тогда удалось бы проехать в конце апреля прямо в Воропаевку и до осени 1912 года сильно продвинуть диссертацию о Гегеле. Иначе, конечно, всё затормозится. Возвращаться в Москву тягостно из-за университета; могут забить его сволочью; ревизия, назначенная Кассо, – гнусность мелкого злобствующего хама. Хуже всего то, что за 10 лет своего московского профессорства он мог вышпионить какие-нибудь случайные упущения, – и теперь думает предать наших суду. Тягостно!.. Лекции мне обеспечены, во всяком случае, на женских юрид.<ических> курсах. Постараюсь в университете не вести, но могут заставить рано или поздно. Уход всеобщий был, кажется, всё-таки героической ошибкой...³⁴

В воспоминаниях Ильина, а также в его переписке с отцом, кузиной Л.Я. Гуревич встречаются сведения, касающиеся интриги Б.А. Кистяковского, который подготовил в адрес Новгородцева обвинения в партийности и создании «неэтической атмосферы» на кафедре. К этому также были причастны Б.П. Вышеславцев и Н.Н. Алексеев. В упоминаемый период Кистяковский и Алексеев, как и Ильин, находились в заграничной командировке, но вернулись в Москву раньше. По воспоминаниям философа, его пытались склонить выступить против учителя, но он воздержался³⁵. Причины такого поведения «коллег» Ильин раскрывал в письме к сестре от 31 июля 1911 г.:

Вести из России не радуют. Цинизм последних и готовящихся мероприятий министерства народного просвещения производит впечатление какой-то жажды побить рекорд, выкинуть невиданное даже ещё и в России. И я не только боюсь, но отчасти знаю как факт, что атмосфера, создаваемая этими мерами, – деморализует многих... Горько чувствую отсутствие С.Н. Трубецкого; не знаю, кого бы можно было бы назвать ещё после него. Толстой... он далеко стоял от этих кругов. Тягостно возвращаться в Москву. Я даже не могу представить себе, сколь далеко зашла эта противоестественная дифференциация на «ушедших» и «оставшихся». Знаю только, что появились люди, ругающие ушедших за неэтическую атмосферу, созданную «ушедшими» в университете за то время, пока они были у дел. Как покажется тебе такое суждение: «правые (т.е. ликующие свиньи) профессора Моск.<овского> унив.<ерситета> могут ссылаться в оправдание своего поведения на партийность и недостаточную культурность-этичность левых в бытность их у власти»? Суждение это выдвигается

³³ 1911 года (опечатка).

³⁴ Ильин И.А. Письмо к Л.Я. Гуревич от 27/14 мая 1911 // Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 47.

³⁵ См.: Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). М., 1999. С. 333–334.

Б. Кистяковским, не могущим простить факультету, что на кафедру государственного права провели не его, а С.А. Котляровского³⁶.

С большой долей вероятности именно об этом игнорировании призывов Кистяковского как о «молчалинстве» шла речь в разговоре с Боровым, о котором последний упоминал отдельно:

Как-то в эмиграции, перебирая с Б.А. Кистяковским наших московских товарищей, я остановился на этом эпизоде (эпизод Ильин – Новгородцев, упомянутый выше) и говорил, что он поразил меня, изменил моё внутреннее отношение к Ильину. Кистяковский заметил, что он ничуть не удивлён, что он сам знает моральные провалы в природе Ильина, его молчалинство³⁷.

Знал ли Боровой об интриге Кистяковского – вопрос, который мы оставим на рассмотрение исследователям жизни и творчества мыслителя, но, скорее всего, Алексей Алексеевич остался непосвящённым. Об отношениях с Кистяковским в мемуарах Борового имеется следующий фрагмент: «Я сошёлся близко с ним в годы эмиграции, когда в течение нескольких месяцев мы работали с ним рядом в Национальной Библиотеке, а потом совершали долгие прогулки по Парижу»³⁸. А также:

Из Парижских связей, наиболее продолжительных и тесных, мне вспоминается приятельство с Богданом Александровичем Кистяковским. Что общего могло быть между нами? Только то, что я ещё недавно принадлежал к университету, в котором продолжал пребывать он. В Москве при редких встречах мы ограничивались рукопожатием... Кистяковский пробыл в Париже девять или десять месяцев, и мы ежедневно встречались с ним – вместе работали, завтракали, обедали, гуляли, встречались с приезжающими³⁹.

Из писем Кистяковского к Боровому можно понять, что в августе Богдан Александрович находился в Берлине, а, следовательно, часть лета провёл в Германии, где он лично встречался с Ильиным⁴⁰ и мог посвятить его в свои планы. Позже из Москвы 3 октября 1911 г. Кистяковский напишет Боровому:

Из университета я не ушёл и взял командировочные деньги (иначе я не мог бы устроить квартиру), но пока никакого отношения к университету не имел. Особых неудобств я пока не испытываю. Впрочем, я ведь перехожу в Ярославль; я избран там доцентом на кафедру Энциклопедии права и Истории философии права и жду, чтобы меня утвердили. Тогда я перейду в разряды гастролирующих профессоров, так как я только что устроил здесь квартиру. В Университете гнусное положение. Учреждение загублено из-за порыва совершенно бессмысленно. Студенты встретили Милюкова и Каблукова овацией, Бобина проводили овацией после первой лекции. Они прониклись тем взглядом [положением], который им внушался, что разгром университета им только полезен, так как ушли профессора, которые предъявляли к ним чересчур высокие требования. В личных отношениях неразбериха. П.И. Новгородцев мне говорил, что Вышеславцев устроился на его курс за его спиной, но он ему не препятствовал; по внешности между ними отношения <разъединения>⁴¹. Н.Н. Алексеев мне говорил,

³⁶ Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). С. 53–54.

³⁷ Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ. С. 119.

³⁸ Боровой А.А. Глава XI. «Революция 1905 г. и реакция» / «Моя жизнь» Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 280.

³⁹ См.: Шумихин С.В. Алексей Боровой. Из воспоминаний «Моя жизнь» // Диаспора. 2004. № 6. С. 47, 48.

⁴⁰ В своих воспоминаниях Ильин упоминает, что за время заграничной командировки он встречался с Кистяковским два раза (подробнее см.: Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). С. 333).

⁴¹ В данном месте слово написано неразборчиво, указано подходящее по значению.

что Новг.<ородцев> не прав в этом случае, так как инициатива устройства Вышеславцева принадлежит Новгородцеву и только заключительный акт Вышеславцеву. Я перебил дорогу Н.Н. Алексееву, который тоже стремился в Ярославль. Так как Н.Н. Алексеев оказался без заработка, то я отказался от курса государственного права в Коммерческом Институте и теперь мы уже устроим Н.Н. Алексеева в Коммерческий Институт. Против людей, которые почему-либо неприятны, пускают нелепейшие слухи, вроде того, который был пущен об Игоре Александровиче.

Так «Гензель дурак». «И.А. Ильин сошёл с ума». Последнее строго между нами; против этого слуха я энергично боролся. Поводом к нему послужило обстоятельство, что Ильин прислал «неудачный» отчёт о командировке, недостаточно формальный и тупой.

Как видите, всё это не весело. <...>

Встречаетесь ли Вы с И.А. Ильиным? Я поссорился с ним, но питаю к нему прежнюю слабость и верю в него. Поэтому если Вы виделись с ним, то напишите мне о нём. Только на днях я узнал от Василия Бернгардовича, с которым встречался в редакции «Русской Мысли» у Петра Бернгардовича, что Эмилия Васильевна возвратилась в Москву. Постараюсь увидеться или поговорить по телефону⁴².

В воспоминаниях Ильина можно найти указание на то, что весной 1912 г. он получил от Кистьяковского длинное письмо, в котором тот вновь уговаривал его объединиться с Вышеславцевым и Алексеевым, «...устроить фронт против нашего учителя и “оставителя” П.И. Новгородцева и осадить этого последнего, показать ему его невысокое место и сломить его власть. Я тотчас ответил ему иронически-негодующим письмом, обличая его интригу и издеваясь над ней»⁴³.

Но вернёмся к встречам Ильина и Борового в Париже. Боровой оставил следующие воспоминания о данном периоде:

Я был эмигрантом, жил в Париже, он навестил меня. Он был в командировке с женой Н.Н. Вокач, также философом по специальному образованию, верным и деятельным его товарищем в его умственной работе. Я её почти не знал. Она была – маленькая, хрупкая, незаметная женщина. Но он однажды, в минуту откровенности, нарисовал мне идеальный её образ. И то, что я слышал от других, совпадало с его портретом. В эмиграции наши отношения стали теснее. Из разных концов Европы он слал мне ласковые открытки⁴⁴.

Действительно, среди писем к Боровому 1911–1912 гг. присутствуют открытки с парижского Монпарнаса и из Рима, но, безусловно, имели место и личные встречи. Среди адресов Борового в письмах фигурируют отель «Страсбург», в который он переехал после работы гувернёром при русском юноше из Ville-Juif, а также ателье, принадлежавшее художнику А.Г. Якимченко, на улочке Bellony. О последнем месте жительства, отапливаемом при помощи железной печи, Боровой вспоминал:

И не только я скоро привык к моему новому жилью, я страстно полюбил его. На моих друзей оно производило нередко удручающее впечатление. Мне передавали, что Иван Александрович Ильин, побывавший у меня, писал кому-то: «Боровой живёт в ужасной обстановке... в грязном и холодном сарае»⁴⁵.

Встречались Ильин с Боровым также в Национальной Библиотеке Парижа, которую последний именовал «постоянным и обильным резервуаром встреч». Судя по дальнейшим воспоминаниям Борового, отношения их с Ильиным в годы Первой мировой войны практически сошли на нет. Среди корреспонденции от Ильина в архиве Борового имеется записка, которую, скорее всего, можно отнести к маю 1914 г.,

⁴² Письма Кистьяковского Богдана Александровича А.А. Боровому // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 5–6.

⁴³ Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). С. 333.

⁴⁴ Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ. С. 120.

⁴⁵ Шумихин С.В. Алексей Боровой. Из воспоминаний «Моя жизнь». С. 31.

т.к. именно в этот период Боровой уже был в Москве, а Ильин собирался отправиться в повторную командировку в Европу, достаточно быстро оборвавшуюся. Находясь в Вене, Ильины узнали об объявлении войны и вернулись в Россию. В это непростое время Ильин продолжал преподавательскую деятельность, а также принимал активное участие в лекционном турне по городам России, организованном Е.Н. Трубецким и С.А. Рачинским в пользу раненых и пострадавших от войны. Боровой служил на эвакуационном пункте в Москве, сделав военную «карьеру» – от младшего писаря до зауряд-военного чиновника⁴⁶.

Следующее пересечение судеб Ильина и Борового произошло в первые месяцы после февральской революции. В 1917 г. преподаватели, покинувшие в 1911 г. Московский императорский университет, вернулись в него и, по всей видимости, Боровой не стал исключением. Ильин, как и многие представители интеллигенции, достаточно воодушевленно встретил весть о февральской революции. Однако к лету 1917 г. восторги философа сменились опасениями, а впоследствии антибольшевистской деятельностью (с ноября 1917 г. он вошёл в организационную «пятёрку»⁴⁷, среди членов которой был И.А. Кистяковский, брат Богдана Кистяковского). Подробно о том, чем был занят Боровой в период 1917–1918 гг., пока что известно немного.

Вероятно, кто-то мог дать неверную характеристику Борового Ильину, что и повлияло на изменение его отношения к Боровому. В любом случае, в своих воспоминаниях Боровой следующим образом описывает встречу с Ильиным:

В начале Революции мы встретились. Он мне сказал: «Вы – моральный максималист, вы должны вернуться в университет хотя бы в интересах его морального оздоровления». Эта фраза звенела ещё в моих ушах, когда мне сообщили, что – это было сейчас же за «Октябрём», в начале 1918 г., я был Военным Комиссаром Главного Военно-Санитарного Управления – что Ильин агитирует против меня на факультете, как приспешника «большевиков» и баллотировал против меня. О, низкая, фальшивая душонка. Тем не менее я был избран. Последний раз я его видел на каком-то профессорском заседании. Либеральные профессора хныкали. Ильин патетически иронически говорил о необходимости отпора претензиям большевиков, ибо никаким законодательным актом университет не отчуждён в их пользу. Это было в 1918 г. Они спорили о доме на Моховой, когда рухнула 300-летняя династия, когда самая буржуазия переставала существовать. Как они были противны!⁴⁸

Интересно, что в обозначенный период начала 1918 г. Боровой получил письмо от Б.П. Вышеславцева, завершающееся словами: «Было бы очень приятно Вас видеть... Теперь надо объединиться всеми старыми приятелями»⁴⁹.

В мемуарах Борового также присутствует указание и на последовавшую в 1922 г. высылку Ильина из России. К собственным воспоминаниям он также присовокупляет факт, встретившийся ему в книге, посвященной приходу Гитлера к власти, а именно:

И вдруг, в небольшой и слабой книжке Киша – «Гитлер и другие» (1934) неожиданно наткнулся на справку про Ильина, «белогвардейского профессора», державшего речь на съезде, собранном Папеном ещё в 1930 г. Ильин, якобы, кричал (на совесть Киша): «Большевики вырывают корень, последнюю надежду России. Они ликвидируют

⁴⁶ Категория военнотружущих Российской императорской армии, использовавшаяся для замещения в военное время классных должностей в частях войск, управлениях и заведениях при недостатке соответствующих чиновников Военного ведомства.

⁴⁷ Подробнее см.: *Ильин И.А.* Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). С. 330–331.

⁴⁸ *Рябов П.В.* Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ. С. 120–121.

⁴⁹ Письмо Вышеславцева Бориса Петровича А.А. Боровому от 5 февраля 1918 года // РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 1.

куляка» (немецкий выговор). И так – Ильин и Папен! Вот – конец! Конечно, эмиграция – всегда трагедия, особенно нынешняя. Без поворота, без надежд. Но многие умели хранить достоинство в трагедии⁵⁰.

Данный фрагмент воспоминаний достоин более пристального внимания. В предисловии к книге «Гитлер и другие» К.Б. Радек подчёркивает, что работа Г.И. Киша является единственным, но не очень достоверным источником информации, касающейся описания феномена победы национал-социализма. Он пишет: «...она есть только исторический репортаж... Но некоторые дефекты структуры кишевского репортажа не выявляют достаточно ярко роли социал-демократии в подготовке прихода к власти фашистов...»⁵¹. Добавим, что не лишена работа духа «большевистского патриотизма», целью которого является всемирная революция и мировая победа коммунизма. Сам же Боровой подчёркивал, что книжка Киша «слабая».

Полностью фрагмент, о котором упоминает Боровой в книге, выглядит так:

Ещё в 1930 году Папен собрал в «Клубе господ» необычный съезд. За пышным обедом встретились, сверкая лысыми, барон фон-Гайль, старый граф Вестари – бывший вершитель судеб вильгельмовской Германии, генерал фон-Шлейхер и другие генералы и князья.

Представляет князь Левенштейн. Он даёт слово докладчику, который выделяется среди прусских юнкеров во фраках. На нём расейская поддёвка. Он говорит, шевеля седеющей славянской бородой.

Прусские юнкера услышали от белогвардейского профессора Ильина зловещую речь. Они увидели в судьбе русских помещиков призрак своей судьбы. Ильин говорил, как о варварстве, о поместьях, превращённых в совхозы и колхозы.

– Большевики вырывают корень, последнюю надежду России! Они ликвидируют куляка! – кричал профессор, подделываясь под немецкий выговор слова «кулак».

– Барбарай! – кричала публика.

В прениях участвовал епископ Шрейбер и Франц фон-Папен. Они кричали:

– Цивилизационные народы должны протянуть друг другу руки и двинуться крестовым походом на Восток! Мы не можем стесняться средствами, когда речь идёт о спасении культуры!

– Bravo! – кричала публика.

Папен стал душой чёрного интернационала. Он рассылал во все стороны письма и циркуляры. Он особенно нажимал на французских католиков и вёл среди них агитацию за франко-германский военный союз против СССР.

Заняв место канцлера, Папен пошёл по дороге «Клуба господ». Свою частную миссию он сделал государственной. Вот-вот фантазия охваченных страхом перед революцией юнкеров станет реальностью. Франц фон-Папен уничтожит очаг мировой революции⁵².

Стоит отметить, что Ф. фон Папен был ставленником правительства П. фон Гинденбурга, который, как верно подчёркивается даже в этом «памятнике истории», терпеть не мог «превосходного ефрейтора». Впоследствии Папен, относящийся к партии Центра, поддерживаемой католиками и консерваторами, благодаря влиятельному лоббированию К. фон Шлейхера, в 1932 г. был назначен рейхканцлером с целью формирования коалиции в Рейхстаге и, естественно, эту завидную должность он вряд ли бы кому-нибудь уступил добровольно. Смещение политических курсов Гитлера и Папена, которое производит Киш в своей книге, выглядит как нападку на консервативное крыло немецкого зажиточного класса.

⁵⁰ Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ. С. 121.

⁵¹ Киш Г.И. Гитлер и другие. М., 1934. С.4.

⁵² Там же. С. 89–90.

В работе Киша упоминается некий «Клуб господ»⁵³, о котором он ранее писал следующее:

В 1924 году лига убийц («Лига борьбы с большевизмом», организованная Вернером фон Альвенслебеном в 1919 г. – А.В.) реорганизовалась в «Клуб господ». Сначала туда входили только прусские помещики, а затем присоединились зубры индустрии. В «Клубе господ» обсуждали политику Брюнинга. Решили, что он мало грабит рабочий класс и мало бьёт его дубинкой. Нужна более твёрдая рука. Виднейший член «Клуба господ» – генерал Шлейхер подложил мину под правительство Брюнинга. Кто же его заменит? Шлейхер решил возвеличить глупого улана Франца фон Папена⁵⁴.

Естественно, после прочтения такого описания у Борового могли появиться соответствующие эмоции и выводы, учитывая, что его позиция относительно большевистского переворота была отлична от позиции Ильина, связавшего себя с Белым движением ещё в России.

В архиве Ильина имеется черновик доклада⁵⁵, прочитанного на заседании «Клуба господ» 14 марта 1930 г. Выступление было посвящено не только экономической составляющей политики большевиков, о чём упоминал Киш в своей книге, но также вопросам нового поколения революционеров, выросших на большевистской идее, подавления частной инициативы во всех сферах жизни общества, насильственного переселения, преследования церкви и веры. В приветственном слове Ильин выражал признательность за то, что судьба его Родины и её беспрецедентной трагедии стала также проблемой, значимой для мировой общественности и вопросом, обсуждаемым в европейских кругах.

Неудивительно, что именно в эту организацию был приглашён для выступления Ильин, по всей видимости, рекомендованный эмигрантскими кругами (вероятно, И.А. Кистяковским, в прошлом связанным с гетманом Скоропадским⁵⁶) Вернеру фон Альвенслебену. О связи Ильина и фон Альвенслебена упоминает И.Р. Петров⁵⁷, ссылающийся на архивный документ, в котором речь идёт о встречах философа и немецкого бизнесмена в доме Скоропадского. В это время под редакцией Ильина была подготовлена книга «Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве»⁵⁸ (1931), обличающая ужасы коммунистического режима в России. В архиве мыслителя сохранилось письмо от В. фон Альвенслебена⁵⁹, в котором тот сообщает, что отправил книгу «Мир перед пропастью» пастору Каасу, члену партии Центра, с целью продемонстрировать угрозы большевизма,

⁵³ На немецком данная организация носила название «Herrenklub» и может быть переведена как «Мужской клуб».

⁵⁴ Киш Г.И. Гитлер и другие. С. 88.

⁵⁵ См.: Ильин И.А. «Einleitender Vortrag zur Sitzung im Herrenklub» (Вступительная речь на заседании в мужском клубе) // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 329.

⁵⁶ См.: Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). С. 333–334.

⁵⁷ Подробнее см.: Петров И.Р. Между антибольшевизмом и Гитлером. Уточняя биографию Ивана Ильина / Радио Свобода* (17 октября 2022) // URL: https://www.academia.edu/104561174/%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D0%BD_Julius_Schweichert_Alfred_Normann *По решению Минюста России включено в реестр иностранных агентов.

⁵⁸ «Welt vor dem Abgrund. Politik, Wirtschaft und Kultur im kommunistischen Staate». Eckart-Verlag, Berlin – Steglitz, 1931; Ильиным были написаны введение и заключение, а также 6 разделов из 30, остальной текст составлен его соавторами по книге, коими являлись проф. Н. фон Арсеньев, д-р Л. Аксёнов, А. фон Бунге, А. Демидов, д-р В. Гефдинг, М. Критский, проф. Н. Кульман, д-р А. Мелких, Б. Никольский, С. фон Ольденбург и проф. Н. Тимашев – половина из которых была также авторами статей для журнала Ильина «Русский Колокол» (подробнее см.: Ильин И.А. Собр. соч. Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. Ч. 1–2. М., 2001. С. 509–511).

⁵⁹ Письмо Alvensleben, von Ильину И.А. На бланке «Deutsche Bund zum Schutz der abendlandischen Kultur» («Немецкий союз защиты европейской культуры») // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 315.

риски осуществления которых нависли над Германией, что могло бы спровоцировать внешнеполитические шаги против СССР. Однако сотрудничества с католиками у Ильина не вышло.

Воспоминания Борового «Моя жизнь» содержат достаточно точные исторические сведения, искажённые лишь эмоциями их автора. Хочется верить в то, что в будущем они будут изданы в полном объёме и снабжены хорошим философским комментарием. Отношения молодого Ильина и Борового претерпевали определённую эволюцию, идущую параллельно с формированием собственных взглядов Ильина, его постепенной ориентацией на либеральный консерватизм, погружением в учение православной аскетики как образца истинной духовной жизни⁶⁰. Наиболее тесное взаимодействие мыслителей происходило в годы пребывания Ильина и Борового в Европе; кроме политико-правовой тематики, интереса к творчеству Штирнера, их объединяла любовь к искусству, связь по юридическому факультету Московского императорского университета. Помимо трансформации личных взглядов Ильина, на их отношения с Боровым могли повлиять и коллеги по юридическому факультету, преследующие свои цели путём заговоров и интриг. Годы революции, проводившие отчётливую границу между желающими социалистической революции и видящими в ней угрозу для России, стали камнем преткновения в дружбе Ильина и Борового и развели их по разные стороны навсегда. К сожалению, письма Борового к Ильину могли быть уничтожены при подготовке последнего к высылке из России, но есть надежда, что они уцелели. Так, например, рукопись раннего реферата Ильина о Фихте каким-то образом оказалась в архиве С.Н. Шиль⁶¹. Возможно, подобная участь могла быть и у иных завершённых материалов, относящихся к московскому периоду жизни Ильина.

Ниже приведены письма И.А. Ильина из архивного фонда А.А. Борового, находящегося в РГАЛИ (Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 1–13). Данная единица хранения насчитывает 13 посланий Ильина к Боровому, номер листа соответствует номеру послания. Последовательность писем изменена согласно восстановленной хронологии событий. В квадратных скобках, предшествующих раскрытию содержания послания, даётся описание его формата: открытка, пневматическая карта, записка. Даты, заключённые в квадратные скобки, соответствуют тому, что было указано на штампе конверта или открытки. Текст, приведённый курсивом, в оригинале имеет авторское нижнее подчёркивание.

⁶⁰ Вакулинская А.И. Разумная вера и верующий разум. Православие и творчество Ивана Ильина // Ортодоксия. 2021. № 4. С. 212–237.

⁶¹ Подробнее см.: Овчинкина И.В. Об одном незаметном акте служения (О сохранении наследия И.А. Ильина в Московском университете в 1920-е годы) // Русский колокол. Журнал волевой идеи. 2013. № 2 (11). С. 119–127.

Приложение

Письма И.А. Ильина к А.А. Боровому¹

(5 октября 1906 – 20 апреля 1912)

1.

[Открытое письмо (изображение Иуды, худ. Шнайдер)]

Москва, [7.10.1906]²
Алексею Алексеевичу
Боровому
Мясницкие ворота
д. Александрова
кв. 12
Здесь

1906.10.5

Дорогой Алексей Алексеевич!

Всё собирался к вам и до сих пор не попал. Много было хлопот с устройством на новой квартире. Будьте добры черкнуть мне по прилагаемому моему, ныне уже постоянному адресу, когда (т.е. в какие дни и часы) Вас удобнее бывает застать дома.

Ваш Иван Ильин

Остоженка (возле Храма Христа) д. страх.<овое> общ.<ество> Якорь
кв. 48

2.

[Открытое письмо]

Москва, [24.10.1906]
Алексею Алексеевичу
Боровому
Мясн.<ицкие> ворота д. Александрова 12
Здесь

1906.10.23

Дорогой Алексей Алексеевич!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой и заранее извиняюсь, что беспокою Вас ею. М.Я.³ говорила мне, что к ней обращался некто Виконт⁴, желающий издать перевод Stirner'a Der Einzige⁵. Он, вероятно, обратился с этим и к Вам (я знаю, что

¹ Письма публикуются из архивного фонда А.А. Борового. РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 1–13. Последовательность писем отличается от их нумерации в папке архива, т.к. была изменена в соответствии с хронологией излагаемых событий.

² Даты, указанные в квадратных скобках, воспроизведены по штампу на конверте или открытке.

³ С большой долей вероятности Мария Яковлевна Папер (?–1918) – переводчица, публицист, поэтесса Серебряного века, подруга Марии Цветаевой, издавала работы в издательстве Поплавского, который ранее работал в издательстве «Индивид».

⁴ Виконт О. – псевдоним Венеамина Николаевича Проппера, теоретика русского анархо-индивидуализма, организатора и главного автора издательства «Индивид», действовавшего в Москве с 1906 по 1907 г.

⁵ Имеется ввиду работа М. Штирнера «Единственный и его собственность».

он уже выпустил один перевод отдельными выпусками, но он ищет другой⁶) и я убедительно прошу Вас, если это только мало-мальски возможно, *не называть* *ему* *меня* *и* *не давать* *обо* *мне* *никаких сведений*, *даже адресных*. Если же он захочет непременно меня видеть, то будьте добры, устройте нам свидание на нейтральной территории, напр.<имер>, если бы можно было у Вас в Ваши приёмные часы... За исполнение этой просьбы был бы Вам очень, очень благодарен.

Сердечно Ваш Иван Ильин

3.

[Лист письма без конверта]

Остоженка,
Близ Хр.<иста> Сп.<асителя> д. Якорь
кв. 48.
1907.3.2

Дорогой Алексей Алексеевич!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. М.Я. Кр.⁷ сказала мне, что Вы согласились написать рецензию для Русских Ведомостей на перевод Эльцбахера в изд.<ательстве> Логоса (перевод жены моей Нат.<алии> Ник.<аевны> Вокач и мой⁸). Очень интересуюсь появлением этой рецензии в возможно непродолжительном времени, убедительно прошу Вас черкнуть мне словечко о том, в каком положении она находится в данное время и отбыла ли уже по назначению. Если она готова, но ещё не отправилась, то может быть Вам было бы удобно, если бы я пришёл за ней? Мы не виделись с Вами чудовищно давно, но, избегая Ваших приёмных часов по всем вероятностям весьма многолюдных, я, к сожалению, не имел другого определённого времени, в которое мог бы Вас застать. Занятость и дальность расстояния довершали дело... Что касается меня, то мы оба бываем всегда дома в среду вечером и были бы очень рады, если бы Вы улучили один вечер и побывали у нас.

Искренно преданный Вам Иван Ильин

4.

[Открытое письмо]

[21.11.09]
Алексею Алексеевичу
Боровому
Б. Пресня д. Катлама
кв. 22
Здесь

1909 ноября 21

Дорогой Алексей Алексеевич!

Мне были бы очень ценны и приятны Ваше присутствие на моих пробных лекциях и Ваш отзыв о них. Они назначены на 25 ноября, среду от 2–4 ч. дня в юридическом

⁶ В 1906 г. в издательстве «Индивид» вышел упомянутый перевод книги М. Штирнера «Единственный и его собственность», сделанный Л.И.Г.М. с предисловием О. Виконта.

⁷ Скорее всего, опечатка в фамилии. См. примеч. 3.

⁸ Перевод Ильиных вышел в издательстве «Логос» в 1906 г.

корпусе. Темы: «Идея личности в учении Штирнера» и «Вопрос об отношении права и силы как юридическая проблема» (методологический этюд).

Искренно Ваш

Иван Ильин

7.

Hotel de Strasbourg⁹
50 rue Richelieu, 5e
Paris 2 октября 1911
Telephone 144-95
ELECTRICITE

[На бланке отеля]

Дорогой Алексей Алексеевич!

Радуюсь, что наконец разыскал Вас. Вот уже скоро 2 недели мы живём совсем рядом и только сегодня мне удалось проникнуть в College¹⁰, где Вы читаете.

Завтра утром зайду к Вам, чтобы застать, хотя бы в постели. Все прочее лично.

Шлю Вам сердечный привет.

Ваш

Иван Ильин

8.

[Открытка]

Mr. A. Borowoi
50. Rue Richelieu
Hotel Strassbourg
Paris
1911. окт. 18/5

Дорогой Алексей Алексеевич!

Очень прошу Вас прийти к нам в эту субботу вечером часам к 8, если Вы свободны. Кроме Вас никого не будет, и мы побеседуем втроем. У меня тут были всё неприятности. Хозяин оказался настоящим проходимцем и первого ноября мы переезжаем на другую фатеру. Нужно было решиться, отыскать и прочее. Всё это утомляет и раздражает. Даже пиджаки не мерил, не до этого было. Побаиваюсь за их участь. Зато в остальном обзаведении всё наладилось и даже успел позаниматься. Очень надеюсь, что Вы соберётесь к нам в субботу; если же Вы случайно заняты – то бросьте открытку: мы свободны и в воскресенье. Если свободны – то не отвечайте. Возможно, что забегу ещё к Вам до того времени. Мы оба шлём Вам привет.

Ваш И.И.

Exp: Mr. Ioan Illyne. 4 rue Tournefort

⁹ Об этом периоде А.А. Боровой упоминал: «Богатый период жизни кончился. Из Ville-Juif я вновь перекочевал в Париж. Но устроился не на любимом левом берегу, а поближе к “Национальной библиотеке” на rue Richelieu в отеле “Страсбург”» (См.: Шумихин С.В. Алексей Боровой. Из воспоминаний «Моя жизнь» // Диаспора. 2004. № 6. С. 28).

¹⁰ В тот период А.А. Боровой по рекомендации М.М. Ковалевского читал лекции по курсу «Des principes fondamentaux du capitalisme moderne» (Основные принципы современного капитализма) в Свободной школе социальных наук (College libre des sciences sociales).

6.

[Открытое письмо (изображение Abbaye du MONT SAINT – MICHEL. Le Cachots¹¹)]

Carte Postale

Mr. A. Borowoi
7. Rue Belloni
Atelier 37
Paris

[3 ноября 1911]

Дорогой Алексей Алексеевич!

Сегодня опоздал к Вам в библиотеку на $\frac{1}{4}$ часа и она оказалась заперта. Очень прошу Вас извинить меня за беспокойство, зря причинённое; утешаюсь только тем, что Вы использовали это время лучше, чем это вышло бы с моими примерками. Мы устроились на новой квартире и начали зябнуть. С последней примеркой думаю подождать несколько дней. Но по робости душевной и подлости духовной думаю всё же вымолить у Вас ещё последние $\frac{1}{2}$ часа. До скорого свидания!

Ваш И.И.

Обратите внимание на эту открытку!
Это из Вашей диссертации¹²!

Exp: Joan Illyne. Boul. Montparnasse. 144 bis.

9.

[Открытка]

Mr. A. Borowoi
Rue Belloni 7.
E.V.¹³

Дорогой Алексей Алексеевич!

Только вчера уехали наши друзья¹⁴, и я спешу известить Вас, что мы были бы очень рады, если бы Вы собирались к нам в эту субботу, часам к 8 вечера. Не забудьте, пожалуйста, захватить для меня «ответ критикам»¹⁵, который Вы мне обещали. Мы оба шлём Вам Наш искренний привет. Если придёте, то не отвечайте.

Ваш Ив.<ан> Ильин

Exp: Joan Illyne. 144 bis Bd. du Montparnasse

¹¹ Изображение темницы аббатства Мон-Сен-Мишель (фр.).

¹² Диссертация А.А. Борового, защита которой провалилась, была посвящена теме «История личной свободы во Франции».

¹³ Указаны инициалы Эмилии Васильевны Струве, второй супруги А.А. Борового.

¹⁴ К Ильину из Германии приезжала композитор Ю.Л. Вейсберг со своим мужем, о чём он сообщает в письме к Л.Я. Гуревич от 17 ноября / 1 декабря 1911 года (См.: *Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938)*. М., 1999. С. 58), гости уехали ближе к концу ноября.

¹⁵ Ответ критикам диссертации, отзывы на которую появлялись в различных журналах.

5.

[Carte pneumatique]

M.A. Borowoi
Rue Belloni, 7 Atelier
Paris

Дорогой Алексей Алексеевич!

Хозяйка моя, требуя с меня лишних денег, арестовала Вашу открытку. Платить ей не буду. Пожалуйста, повторите её пневматичной: Boul St. Michel Hotel des Americains Chambre 2, М. Шлыне

Шлю Вам привет и свидетельствую моё почтение Эмилии Васильевне¹⁶.

Ваш Ив. Ильин

1911¹⁷. 2 Janv. <ier> Дни мои заняты, но вечера все свободны...

12.

[визитка из картона, текст для Борового написан карандашом]

Dr. Iwan Iljin
Privatdocent an der Universität Moskau

Вчера вечером мне вдруг «вступила в голову» та бесцеремонность, с которой я до сих пор задерживаю билет в салон, данный мне Вами. Ведь он мог бы быть ещё многократно использован Вами, а я не знаю, соберусь ли я пойти ещё раз. Посему прибежал к Вам, чтобы отдать его. Не достучался; было 9.20 утра. Пошлю или принесу его сегодня же. Открытку Вашу получил.

Ваш И.И.

11.

[маленькая записка на клетчатом листке, написана карандашом]

Заходил проститься очень жалея, что не удалось. Спасибо Вам за много.
Вопросы Фил<ософии> вышлите в Берлин
бандеролью: Dr. Iwan Iljin.
Dernburg Platz. I bei Frau Kzeutzer
Berlin-Charlottenburg. Только не откладывайте.
Если понадоблюсь, вспомните меня: Ваш И.И.

¹⁶ На тот момент Эмилия Васильевна приехала, чтобы навестить мужа.

¹⁷ Рукой Ильина указан 1911 г., однако судя по штемпелю на карточке, письмо было отправлено 2 января 1912 г.

10.

[Открытка из Рима (изображение Veduta della Cita dalla cupola di S. Pietro¹⁸)]

Mr. A. Borowoi
Rue Belloni 7.
Francia Paris.
[20.IV.1912]

Рим 1912 17/4 апреля

Дорогой Алексей Алексеевич!

Шлю вам привет из Италии... Как видите, это путешествие состоялось. После трёхмесячной неопределённости министерство известило меня, что командировка продолжена на ½ года и назначено 500 р. «пособия»¹⁹. Этому «пособию» я был конечно рад, как унтер-офицерская «вдова», но сам себя всё же не высек. – Тысячелетняя сложность и дряхлость Рима в целом *не* эстетична и действует даже несколько угнетающе. Да и восприятие его идёт по необходимости начерно. Недели через две вернёмся в Россию²⁰, через Флоренцию и Вену. Лето проведу в полной тишине, над диссертацией. – Как Вы поживаете? Пожалуйста, ответьте мне о себе не открыткой, а *письмом*; очень хочется узнать о вас обстоятельнее. Нет ли поручений в Москве?

Адрес мой: Firenze. Via Cavour. 79. Pensione Wiskowatof.

Нат.<алия> Ник.<олаевна> шлёт Вам привет

Ваш Ив.<ан> Ильин

13.

[записка на бумаге в клетку чернилами²¹]

Дорогой Алексей Алексеевич!

Я проездом в Москве до четверга. Очень хотел бы повидаться с Вами. Не смущайтесь тем, что обстановка будет неустроенная и уделите мне полчаса.

Ваш Иван Ильин

Вызовите меня по телефону III.92

Я сегодня там от 3–6, завтра от

9–12 утра

¹⁸ Вид на город, купол собора Св. Петра (ит.).

¹⁹ И.А. Ильин подавал прошение на юридический факультет о продлении научной командировки на полгода; опасаясь отказа, он предпринял попытки обеспечить себе доход написанием рецензий и статей для «Русской мысли», «Вопросов философии и психологии» (Подробнее см.: *Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы. (1903–1938). С. 47, 56, 59–60*).

²⁰ В мае 1912 г. Ильины вернулись в Москву.

²¹ Вероятнее всего, записка относится к 1914 г., когда Боровой уже вернулся в Москву, а Ильин собирался отправиться в повторную командировку в Европу. Но с такой же долей вероятности данная записка могла быть написана перед первой командировкой летом 1910 г.

Список литературы

- Боровой А.А. Моя жизнь. Фрагменты воспоминаний // Московский журнал. 2010. № 10. С. 20–40.
- Быстров А.С. Проблема правопонимания в учении анархо-гуманизма // Право и современные государства. 2017. № 6. С. 24–31.
- Вакулинская А.И. Разумная вера и верующий разум. Православие и творчество Ивана Ильина // Ортодоксия. 2021. № 4. С. 212–237.
- Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1954. 409 с.
- Евлампиев И.И. История одного скандала (И.А. Ильин – А. Белый – Э.К. Метнер) // Ступени: философский журнал. 1997. № 10. С. 143–147.
- Ильин И.А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М.: Русская книга, 1999. 606 с.
- Ильин И.А. Собр. соч. Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. Ч. 1–2. М.: Русская книга, 2001. 528 с.
- Ильин И.А. Собр. соч.: О возрождении и обновлении России. Ч. 1–2. М.: Институт Наследия, 2021. 730 с.
- Ильин И.А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). М.: Русская книга, 1999. 507 с.
- Ильин И.А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М.: Русская книга, 2001. 560 с.
- Киш Г.И. Гитлер и другие. М.: ОГИЗ. Молодая гвардия, 1934. 245 с.
- Лисица Ю.Т. Иван Ильин и Россия: Неопубл. фот. и арх. материалы. М.: Русская книга, 1999. 189 с.
- НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 329. Л. 1–10.
- НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Оп. 5. Ед. хр. 315. Л. 1.
- Овчинкина И.В. Об одном незаметном акте служения (О сохранении наследия И.А. Ильина в Московском университете в 1920-е годы) // Русский колокол. Журнал волевой идеи. 2013. № 2 (11). С. 119–127.
- Петров И.Р. Между антибольшевизмом и Гитлером. Уточняя биографию Ивана Ильина / Радио Свобода* (17 октября 2022) // URL: https://www.academia.edu/104561174/%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D0%BD_Julius_Schweichert_Alfred_Normann
- РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 26–27, 49, 199–200, 251, 257, 305.
- РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 325. Л. 1.
- РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 1–13.
- РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 434. Л. 5–6.
- Рублев Д.И., Рябов П.В. Алексей Алексеевич Боровой: человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2 (71). С. 221–239.
- Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ // Вестник культурологии. 2009. № 1 (48). С. 112–126.
- Талеров П.И. О жизни и творчестве Алексея Борового – анархиста-гуманиста // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 3. С. 61–63.
- Шумихин С.В. Алексей Боровой. Из воспоминаний «Моя жизнь» // Диаспора. 2004. № 6. С. 7–85.

Ivan Il'in and Aleksei Borovoi: the Story of One Friendship

Alexandra I. Vakulinskaya – Candidate of Sciences in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sashavakulinskaya@gmail.com

The publication is devoted to the reconstruction of the relations that established between the philosopher, sociologist, anarchist A.A. Borovoi and the young philosopher I.A. Il'in. The ideological

* По решению Минюста России включено в реестр иностранных агентов.

and political position held by A.A. Borovoi as a Private Associate Professor of the Faculty of Law of the Moscow Imperial University is reconstructed, as well as his attitude to other colleagues, in particular to P.I. Novgorodtsev, B.A. Kistyakovskiy. The evolution of the views of the young Ilyin, who initially sympathized with radical political trends and the anarchist movement, and then switched to the positions of liberal conservatism, is demonstrated. Based on memoirs, letters stored in the archives of A.A. Borovoi in RSALA (Russian State Archive of Literature and Art), memoirs and letters of I.A. Il'in, as well as studies dedicated to Borovoi and Ilyin, the period of meetings of thinkers in Paris in 1911–1912 is reproduced in more detail. The details of the changes that occurred at the Faculty of Law of the Moscow Imperial University in connection with the “Casso Case”, which had a different impact on the fate of thinkers, are revealed. The relationship between Borovoi and Il'in with B.A. Kistyakovskiy, who was also in Europe in 1911, is mentioned. An assumption is made about the reasons for the cessation of communication between I.A. Il'in and A.A. Borovoi during the World War I, which could be associated both with the ideological differences between the philosophers and the activities to which each of them devoted himself during these years. The meeting between Borovoi and Il'in after the February revolution could have given rise to a resumption of communication, but the difference in assessment of the October revolution (imaginary or real) became a stumbling block. Based on the fragment mentioned by Borovoi from the book by G.I. Kish “Hitler and others” and the archive of I.A. Il'in there is reproduced an episode of the thinker's speech at a meeting of the “Men's Club” in March 1930. The article recreates the history of relations between I.A. Il'in and representatives of the conservative wing of German entrepreneurs and the failed cooperation with the centrist party represented by German Catholics.

Keywords: Faculty of Law of the Moscow Imperial University, “Casso Case”, anarchism, A.A. Borovoi, I.A. Il'in

For citation: Vakulinskaya, A.I. Ivan Il'in i Aleksei Borovoi: istoriya odnoi družby [Ivan Il'in and Aleksei Borovoi: the Story of One Friendship], *Otechestvennaya filosofiya [National Philosophy]*, 2024, Vol. 2, No. 1, pp. 54–77. (In Russian)

References

Borovoi, A.A. Moya zhizn'. Fragmenty vospominanii [My Life. Fragments of Memories], *Moskovskii zhurnal*, 2010, No. 10, pp. 20–40. (In Russian)

Bystrov, A.S. Problema pravoponimaniya v uchenii anarkho-gumanizma [The Problem of Legal Understanding on Doctrine of Anarcho-humanism], *Pravo i sovremennye gosudarstva*, 2017, No. 6, pp. 24–31. (In Russian)

Vakulinskaya, A.I. Razumnaya vera i verujushhii razum. Pravoslavie i tvorchestvo I.A. Il'ina [The Deliberate Belief and the Believing Mind. Orthodoxy and Work of I.A. Il'in], *Ortodoksiya*, 2021, No. 4, pp. 212–237. (In Russian)

Vishnyak, M.V. *Dan' proshlomu* [Tribute to the Past]. New York: publ. imeni A.P. Chekhova, 1954. 409 p. (In Russian)

Evlampiev, I.I. Istoriya odnogo skandala (I.A. Il'in – A. Belyi – E.K. Metner) [The Story of the One Scandal (I.A. Il'in – A. Belyi – E.K. Metner)], *Stupeni: filosofskii zhurnal*, 1997, No. 10, pp. 143–147. (In Russian)

Il'in, I.A. Dnevnik. Pis'ma. Dokumenty (1903–1938) [Diary. Letters. Documents (1903–1938)], in: Il'in I.A. *Sochineniya v 10 t.* [Works in 10 vols.]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 1999. 606 p. (In Russian)

Il'in, I.A. Mir pered propast'yu. Politika, khozyaistvo i kul'tura v kommunisticheskom gosudarstve [The World in Front of the Abyss. Policy, Economy and Culture of Communistic State]. Part 1–2, in: Il'in I.A. *Sochineniya v 10 t.* [Works in 10 vols.]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 2001. 528 p. (In Russian)

Il'in, I.A. *O vozrozhdenii i obnovlenii Rossii* [About the Revival and Renewal of Russia]. Part 1–2. Moscow: Institut naslediya Publ., 2021. 730 p. (In Russian)

Il'in, I.A. Pis'ma. Memuary (1939–1954) [Letters. Memories (1939–1954)], in: Il'in I.A. *Sochineniya v 10 t.* [Works in 10 vols.]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 1999. 507 p. (In Russian)

Il'in, I.A. Stat'i. Lektsii. Vystupleniya. Retsenzii (1906–1954) [Articles. Lectures. Speeches. Reviews (1906–1954)], in: Il'in I.A. *Sochineniya v 10 t.* [Works in 10 vols.]. Moscow: Russkaya kniga Publ., 2001. 560 p. (In Russian)

Kish, G.I. *Gitler i drugie* [Hitler and Others]. Moscow: OGIZ. Molodaya gvardiya Publ., 1934. 245 p. (In Russian)

Lisitsa, Yu.T. *Ivan Il'in i Rossiya: Neopublikovannye fotografii i arkhivnye materialy* [Ivan Il'in and Russia: Unpublished Photographs and Archival Materials], Moscow: Russkaya kniga Publ., 1999. 189 p. (In Russian)

SB MSU, DRBM, fund 47, inventory 1, storage unit 329, sheets 1–10.

SB MSU, DRBM, fund 47, inventory 5, storage unit 315, sheet 1.

Ovchinkina, I.V. Ob odnom nezametnom akte sluzheniya (O sokhraneni naslediya I.A. Il'ina v Moskovskom universitete v 1920-e gody) [About One Subtle Act of Service (About Preserving Heritage of I.A. Il'in in Moscow University in 1920-s)], *Russkii kolokol*, 2013, No. 2, pp. 119–127. (In Russian)

Petrov, I.R. *Mezhdubol'shevizm i Gitlerom. Utochnyaya biografiyu Ivana Il'ina* [Between Anti-Bolshevism and Hitler. Specifying in the Biography of Ivan Il'in], Radio Svoboda* (October, 17, 2022) // URL: https://www.academia.edu/104561174/%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D0%BD_Julius_Schweichert_Alfred_Normann (In Russian)

RSALA, fund 1023, inventory 1, storage unit 168, sheets 26–27, 49, 199–200, 251, 257, 305.

RSALA, fund 1023, inventory 1, storage unit 325, sheet 1.

RSALA, fund 1023, inventory 1, storage unit 409, sheets 1–13.

RSALA, fund 1023, inventory 1, storage unit 434, sheet 5–6.

Rublev, D.I., Ryabov, P.V. Aleksei Alekseevich Borovoi: chelovek, myslitel', anarchist [Aleksei Alekseevich Borovoi: Human, Thinker, Anarchist], *Rossiya i sovremenniy mir*, 2011, No. 2, pp. 221–239. (In Russian)

Ryabov, P.V. Khorosho zabytoe staroe: obzor arkhivnogo fonda A.A. Borovogo v RGALI [Well Forgotten Old: Review of the Archival Fund of A.A. Borovoi in RSALA], *Vestnik kul'turologii*, 2009, No. 1, pp. 112–126. (In Russian)

Talerov, P.I. O zhizni i tvorchestve Aleksey Borovogo – anarkhista-gumanista [About Life and Creative Heritage of Aleksey Borovoi – Anarchist-Humanist], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 12, Politicheskie nauki*, 2008, No. 3, pp. 61–63. (In Russian)

Shumikhin, S.V. Aleksei Borovoi. Iz vospominanii “Moya zhizn'” [Aleksey Borovoi. From Memoires “My life”], *Diaspora*, 2004, No. 6, pp. 7–85. (In Russian)

* По решению Минюста России включено в реестр иностранных агентов.